ИТАК, первыми гостями из-за рубежа, игравшими на новой сцене МХАТа на Тверском бульваре, стали артисты одного из ведущих театров Праги — «На Виноградах». Москвичи познакомились с тремя очень разными спектаклями — разными по времени, к которому относятся показанные нашими гостями пьесы, по их жанровым особенностям, по стилю, по самой жизненной реальности, в них отраженной. Театр начал гастроль драмой «Мариша», написанной более чем три четверти века назад братьями Алоизом и Вилемом Мрштиковыми, продолжил их комедией Карела Чапека «Разбойник», законченной в 1920 году, и завершил инсценировкой романа современного чешского писателя Зденека Плугаржа «Если покинешь меня...».

Однако в этой разности есть своя внутренняя логика, в которой обнаруживается и определенная внутренняя общность, определяющая цельность складывающейся в итоге картины. Драма «Мариша» воссоздает картину жизни чешской деревни конца прошлого века, в которой истинные бытовые связи и нравственные нормы начинают все более явственно разъедаться властью чистогана. Создатели спектакля — и актеры, и режиссер Ф. Штепанек, и его помощник в постановке хореографических эпизодов К. Беднарж, и творцы зрительного образа (декорации — З. Коларж, костюмов — Р. Микулова) верно почувствовали и точно передали быт в немногих, но колоритных деталях, однако внешняя привлекательность этого быта обманчива: деньги, корысть, враждебные живому и искреннему чувству, ввергают человека в несчастия, уродуют его природу,

ожесточают его. Именно это подчеркивает театр в образе главной героини Мариши, которую Г. Вранова показывает без малейшего уклона в сентиментальность, жестко и точно прорисовывая ее путь к преступлению. В свою очередь отнюдь не идеализируется Францек (Р. Брзобогатый). Если вначале герой предстает в традиционном облике влюбленного деревенского парня, с некоторой склонностью к озорству, то во второй части спектакля он борется за Маришу против ставшего ее мужем богатого мельника Вавры, пожалуй, не только (и даже, может быть, не столько) из-за любви к Марише, сколько из желания отомстить богатому, наказав его за совершенную подлость.

В спектакле отчетливо ощущается живая среда, воссозданная в целой галерее образов (бабушка Мариши — С. Амротова, Горачка — М. Брожкова, Трактирщик — О. Лукеш, Строугалка — Н. Попеликова и другие). Так формируется своего рода собирательный образ народной жизни с присущими ей гуманными началами, но и с ее острыми социальными коллизиями.

«Разбойник» — ранняя, первая самостоятельно написанная Карелом Чапеком пьеса. Однако в ней ощутимы некоторые характерные особенности драматического стиля этого выдающегося чешского писателя, чья пьеса «Мать» уже в предвоенные годы нашла достойное воплощение на сцене

московские гастрольи

ВНУТРЕННЕЕ ЕДИНСТВО

советского театра, вызвав глубокий интерес нашего зрителя. «Разбойник» — комедия философская и вместе с тем поэтическая. В предисловии к первому изданию пьесы, вспоминая, что ее замысел и первый вариант возникли в Париже еще в 1911 году, Чапек признавался: «...они выросли, как воспоминание о молодости и свободе, о родном крае и товарищах — попросту о родине. Это многое объясняет в

Болеслав РОСТОЦКИЙ,

доктор искусствоведения.

самом строе комедии: за внешней незатейливостью ее сюжетных ходов приоткрывается более широкий замысел, связанный со столкновением «веселой непокорности и жадности жизни» с мешанской боязнью жизни, смелых порывов, с застойной неподвижностью и духовной отчужденностью.

Театру во многом удалось передать этот замысел (режиссер Ф. Штепанек, художник З. Коларж). Я. Ганзлик не старит своего героя. В нем есть мальчишество, легкая и органичная приверженность к шутке, к «розыгрышу», но это нисколько не лишает его и своеобразной, и достаточно ясно ощутимой склонности к тому, что можно назвать контролем разума. Это не противоречит зерну образа в самой пьесе. Напротив, делает объяснимым многое и, в частности, финал:

уход героя — уход шумный, сопровождаемый криками и даже пальбой, но как-никак, видимо, безвозвратный.

Молодость выступает в спектакле синонимом поэзии и поэтому придает особое значение мотиву любви, который пронизывает все повороты действия. Это раскрывается не только во внезапном озарении Мими (Г. Мацнухова) — ее пробууждение от ребячества, но и в диалоге старого Профессора и его жены. Тема ничем не заменимой ценности молодости в ином ключе, но с не меньшей убедительностью звучит и в образе Фанки. Ее сожаление об утраченной молодости, замыкающее пьесу, это именно сожаление о капитуляции перед прозой мешанского бытия. Чем ярче и энергичнее И. Шворцова передает неожиданность запоздалого раскаяния в своей грубоватой и, казалось бы, уж никак не склонной к печальным раздумьям Фанке, тем выразительнее становится ее заключительная реплика о навсегда потерянной возможности счастья.

Тема родины, проходящая через «Разбойника», прорисовывается как главная в третьем спектакле театра «На Виноградах». Но здесь она прорисована чертами резкими и суровыми. Перед нами лагерь для «перемешенных лиц», для беженцев, вернее, для беглецов, бросивших родную землю, покинувших Чехословакию после памятного февраля 1948 года и оказавшихся в окрестностях Нюрнберга. О судьбе этих людей, потерявших родину по

своей вине, отказавшихся от нее, хотя и по разным причинам, и рассказывает спектакль, поставленный режиссером Я. Стрейчеком.

Перед нами проходит несколько человеческих судеб: студента Вацлава (И. Плахий), Профессора (И. Прахарж), юной Катки (Г. Вранова) и многих других. При всей их несхожести в них раскрывается мысль о том, что, теряя родину, человек неизбежно теряет и самого себя, независимо от своих субъективных намерений. Так сказать, «обретают себя», обнаруживая свою истинную сущность, подлые негодяи, торгаши и циники, подобные помощнику коменданта лагеря Кодлу (В. Кршка) или патеру Флориану, исполняющему по совместительству обязанности агента американской разведки (А. Гардт).

Уже само оформление спектакля (декорации М. Томека) помогает созданию атмосферы той угнетающей приниженности, в которую ввергнуты персонажи. Их крушение очевидно и особенно ясно обнаруживается в признании Профессором несостоятельности своих иллюзий, в самоубийстве Вацлава, не находящего в себе мужества для принятия единственно верного решения о возвращении на родину. Пожалуй, думая об этом спектакле, можно было бы лишь пожелать несколько более резкого разграничения в характеристиках персонажей, а тем самым и в раскрытии их позиций. Это сделало бы еще более отчетливо звучащим тот мотив родины, который в разных поворотах, в разных обликах определяет вместе с тем внутреннее единство показанных гостями из Праги спектаклей.